

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ

ФЕСТИВАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА

№6

25 ИЮНЯ 2017

БУДЕТ РАД И СТАР И МЛАД

Театр-студия «Enfant Terrible», г. Ульяновск
Елена Киселькова «Зимовье зверей»

Могут ли постановки для детей быть интересны и маленьким, и взрослым зрителям в равной степени? Театр-студия «Enfant Terrible» доказал, что могут. Это увлекательное представление, в котором актёрская игра «превращает» обычных зверей в многогранных личностей с безупречным чувством юмора. Здесь настоящая дружба и неожиданная любовь... «Зимовье зверей» покоряет все возрасты.

Из-за опасности быть съеденными своими хозяевами, домашние животные Свинья, Корова, Овца и Петух убегают из деревни в лес. Там они встречают Кабана, который устраивает их на местожительство в избушке лесника. Ещё он заводит роман со Свиньей, ну и, видимо, поэтому всячески помогает новым обитателям лесного домика. И пока те обустраиваются на новом месте, о том, что в лесу поселились домашние животные, узнают Лиса и Волк. Выстраивая хитрые планы, они пытаются попасть в уютный домик зверей и съесть их. Но коварным интригам хищников мешает любовь и дружба – Волк влюбляется в Овцу, а Лиса вообще хочет подружиться со всеми зверями.

«Зимовье» у ульяновцев получилось динамичное, доброе, смешное и полное интересных деталей. Музыкальное оформление – мелодии дикого Запада, народные песни – и другие сценические эффекты задают постановке прямо-таки блокбастерный ритм. Декорации создают атмосферу уютного бабушкиного домика на опушке – со старым музыкальным приёмником, деревянными лавками и стульями, тканевыми занавесками и обилием подушек. Последние, кстати, неожиданно становятся отличным оружием против пробравшихся в дом Лисы и Волка: маленькие зрители с удовольствием принимают участие в спектакле и помогают зверям отбиваться от неожиданных гостей, «стреляя» в них подушками. Костюмы авторства Екатерины Лягиной пре-

имущественно изготовлены из светлого хлопка и льна, что тоже погружает в деревенскую атмосферу. Они совершенно не похожи на привычные всем «лохматые и хвостатые» костюмы животных. На принадлежность к виду и подвиду указывают лишь изящные детали – пояс с бутылочками для кормления новорожденных у Коровы, вязаные рога у Овцы и т.п. Однако, и режиссура точна, и актёрские работы на высоте: зрители понимают, что за зверь перед ними, раньше, чем находят его «опознавательные» признаки.

О режиссуре отдельное слово. Дмитрий Аксёнов выводит спектакль за рамки классической сказки для детей, ведь наблюдать за действием интересно и взрослым зрителям. Например, хозяин, который представлен только как голос за кадром, разговаривает с животными интонациями Бориса Ельцина. Свою речь о том, что домашний скот скоро пойдёт на убой, он произносит наподобие последнего новогоднего обращения экс-президента – политизированный приём, и родители в зале не могут сдержать смех. Или Петух (Владимир Конин), лидер компании домашних животных, – его образ застроен как отсылка к известным вождям разных времён. Вот он призывает всех покинуть дом, уйти в лес, начинает революцию – тут перед нами Владимир Ленин. В обращении к Кабану с просьбой провести беглецов в домик лесника – монолог Хлопуши на манер Владимира Высоцкого: «Проведите меня к нему! Я хочу видеть этого..!» Петух вообще в этом спектакле многогранен: и пафосный лидер, и обделённый лаской эгоист, и понимающий друг, и смельчак. Да и другие персонажи также раскрываются с неожиданных сторон. Статная Корова (Татьяна Леонова), например, несмотря на свою внешнюю серьёзность, на самом деле обладает искромётным чувством юмора. Свинья (Наталья Ляхова), оказывается, не только любит вкусно поесть, но ещё и умом не обделена, и способна с дубинкой наперевес постоять за себя. Только не в любви: с трогательным Кабаном (Ярослав Щедров) они показывают пример образцовых романтических отношений.

Продолжение на с. 2

Начало на с. 1

Тихая и незаметная Овца (Елена Карасёва) в финале оказывается заботливой и уверенной в своих решениях натурой, которая способна принять и полюбить Волка. Волк (Илья Зызин) и комичный, и сентиментальный персонаж – после знакомства с ним верится, что волки умеют влюбляться получше людей. Лиса (Наталья Забожко) до финальной сцены остаётся неприятной особой. Однако, она настолько искренне мечтает о настоящей дружбе, что стоит ей попроситься к зверям в компанию, зрители моментально проникаются к ней симпатией и сочувствием.

Детский спектакль «Зимовье зверей» имеет возрастной ценз «10+», но к сожалению, не имеет маркера «взрослым обязателен к просмотру». И зря. Ещё раз напомнить себе о том, что нужно бороться за своё счастье, не бояться трудностей, что дружба и любовь всегда побеждают, никогда не помешает.

ЗРИТЕЛИ О СПЕКТАКЛЕ

Соня, 8 лет:

– Мне понравился спектакль, потому что он добрый и честный. Больше всех понравилась Овца – она добрая.

Кирилл, 9 лет:

– В спектакле много хороших героев, и даже те, кто были плохими, потом становятся хорошими. Самая интересная была Лиса, потому что у неё много идей. Они с Волком были хорошей командой, составляли планы и действовали. Потом она не будет жить с другими зверями, она же хищник.

Ирина Александровна, мама:

– От спектакля я в восторге, он очень положительный. Я вообще впервые с таким интересом посмотрела детскую постановку. И моим детям понравилось: там и драки, и песни, и даже любовь.

Материал подготовила Ольга Кураева

В КРУГЕ – НЕ ПЕРВОМ

Калининградский областной драматический театр
Николай Коляда «Тройнасемёркатуз»

Что мы слышим в незнакомом языке, когда не понимаем смысла? Каковы для уха и сознания эти чужие сочетания звуков? Есть сложившиеся стереотипы, от которых всегда хочется уходить, ломать шаблон – но они же являются и помощниками театру, как средству трансляции мысли в массы. Карл V, римский император, говорил: «Испанским языком – с богом, французским – с друзьями, немецким – с неприятелем, итальянским – с женским полом говорить прилично».

И правда, нередко можно услышать от людей о немецком языке такое однобокое суждение, что он – гавкающий. Но для речи пустомель, карточных игроков, праздно бравирующих поверхностным знанием языка, это, пожалуй, самый удачный эпитет. Не понимаем мы смысла того, что они говорят, а только гавканье слышим и звериные морды вместо лиц видим... Такими представил нам героев этой истории режиссёр Вячеслав Виттих, который и сам участвует в спектакле, играя роль, разрешающую дальнейшую судьбу главного героя. Он – Крупье в последней карточной игре Германна. Даже из зала ощущается пиетет и доверие, с которым актёры относятся к режиссёру-единомышленнику, ведь это далеко не первый спектакль, который москвич с ними ставит. Они вместе часто обращаются к мистике: в репертуаре есть «Панночка», «Мастер и Маргарита», и теперь вот «Пиковая дама».

История окутанная «тайной трёх карт». Только не эту тайну разгадывают герои пьесы Коляды по мотивам повести Пушкина. Они пытаются разгадать единственную тайну, которая тревожит всё человечество – как стать счастливым? Где тот рай на земле, в котором не будет ни дураков, ни плохих дорог? В чём счастье – в бессмертии, в богатстве, в какой-то далёкой стране? Американская мечта – быть богатым и знаменитым. Русская мечта – уехать скорее за границу. Американцы обычно мечтают, работая сутками в забегаловке. А русские мечтают, бездельничая, ставя всё на удачу, проигрывая – и всё равно надеются. Не берегут того, что имеют. Разбрасываются словами, Родиной, друзьями, как мелочью, которая летела сегодня в зрительный зал из рук артистов...

На сцене ванна, накрытая стеклом – карточный стол, вместо стен – экраны со свисающей смятой пищевой плёнкой, которая дискотечно сверкает. Через плёнку герои проходят, словно сквозь портал, запрокидывая голову назад. Вторгаются в чужое пространство, в чужую жизнь «сапогами входят».

За столом три игрока синхронно раскладывают карты. Игра повторяется изо дня в день, по кругу звучит одна и та же история. Актёры намеренно подчёркивают это, произнося ещё и ещё раз только что сказанный текст. Ощущение «дня сурка», повторяющегося дня... Германн же (Андрей Вареницин) решает действовать, что выражается пластически (его странно выгибает), из чего мы понимаем, что психическое состояние его на грани. Но по природе он достаточно апатичен, потому, видимо, и не способен бороться за счастье.

В этой пьесе есть две загадки для зрителя, и каждый хочет увидеть, как же режиссёр их воплотит. Одна из них – это немецкий язык, на котором написана половина пьесы. Калининградцы, задав тональность немецкого как раз «тавканьем», продолжают на русском. И лишь важные, ключевые моменты выделяют на немецком. Эффектно проходит сцена финальной карточной игры – Германна не понимают именно тогда, когда он по-русски говорит.

Вторая загадка – это воплощение образа старухи-графини, знающей секрет вечной молодости. И вот тут удивили! Графиня – мужчина. Как ни крути, он одним своим видом, ничего не играя, будет опровергать всё, что она, графиня, о себе говорит и думает. Алексей Переберин в этой роли великолепен. Графиня – великая и ужасная, жестокая и опасная. А наедине с собой – искренне любящая и несчастная. Алексей работает на очень тонкой грани пародии и правды, как по лезвию бритвы ходит, ни разу не соскользнув. Таковую графиню и ненавидеть, и бояться – вполне логично.

Лиза (Мария Савельева) оборачивает пакетыми до дыр затёртые листы книги и ждёт спасения извне. И оно приходит, пусть не таким, как она ожидала. Герман и Лиза в любовной сцене существуют параллельно, не понимают друг друга, им приходится активно жестикулировать – из чего получается странный пластический этюд, доводимый актёрами до абсурда.

Германна потом так и не отпускает эта «судорога». Монолог о смысле своей маленькой жизни он произносит лёжа в ванне, обнажённый и беззащитный. Его отделяет от зрителя только стекло, некогда бывшее столом, а теперь стоящее рядом, запотевшее. Мы, зрители, в замочную скважину подглядываем, по ту сторону объектива находимся... Вдруг стекло падает – и нас волной воздуха обдаёт, перезагружает, смахивает наваждение. Карточная партия проиграна, сходить с ума дальше некуда. Но ванна снова накрыта, игроки за картами – «день сурка» продолжается. И каждый день будет начинаться одинаково, пока кто-то этого не заметит и не решит выйти из круга...

Ирина Плесняева

РЕЖИССЁР О СПЕКТАКЛЕ

Какова история вашего «сотрудничества» с Николаем Колядой?

Николая Владимировича я знаю очень давно, ещё учась в ГИТИСЕ прочитал, практически, все его пьесы. Сразу понял, что это «созвучный» мне автор, и я хочу непременно поставить все его

пьесы! Первым моим опытом была сказка «Морозко» в Калининградском драмтеатре, следующей мечтой была как раз «Тройкасемёркатуз». Актёры у нас работали – на максимальной выкладке. Были определённые сложности... но у нас всё получилось

Вы не боитесь поднимать провокационные темы – например, касаться национального вопроса или чувств верующих...

Да, был такой страх. Но меня поддержал наш художественный руководитель, сказал мне как-то: «Не бойся доносить до людей свою точку зрения», – и я воспрял духом!

Через всю постановку «красной нитью» проходит тема злоупотребления алкоголем... Что, кроме «зелёного змия», на ваш взгляд, может сплотить людей?

Вдохновение. Люди начинают злоупотреблять алкоголем – от безысходности. Так они пытаются уйти в «астрал» и жить там какое-то короткое время без проблем. Эта тенденция существовала ещё при Пушкине, она существует и сейчас. Об этом мы смело говорим, потому что все и так каждый день это видят вокруг.

После спектакля невольно задаешься вопросом: власть, деньги и положение всегда плохо влияют на человека?

Наверное, можно абстрагироваться от этих вещей и уйти, например, в монастырь – но будучи режиссёром, сделать это не удаётся. Моей дочери сейчас двенадцать лет, и я постоянно спрашиваю себя: в какой стране она будет жить? С помощью этого спектакля мне хочется просто мягко подискутировать со зрителем на эту тему, не навязывая никому какой-то определённой точки зрения...

Как вы думаете, будут ли зрители вообще воспринимать классику лет через десять, или для этого нужны всё новые и новые формы? Какие, тогда?

Ну, Пушкин будет актуален всегда, как я думаю. И Николай Коляда. Но, с другой стороны, – да, боишься, что всё может перейти в «формат комиксов». Мы, наш театр, постараемся сделать всё, чтобы этого не случилось!

А зритель в Калининграде отличается от московского, или, наоборот, периферийного?

Наш зритель принимает всё «на ура», он менее искушён, чем Москва, например. Дело в том, что у нас в Калининграде – один театр. И зритель ходит в него, потому что есть потребность. А в Москве зритель волен выбирать любую эстетику в любом театре.

Беседовал Илья Перцев

ПРОСТО ЖИЗНЬ

Театр драмы Уссурийского городского округа, г. Уссурийск
Ярослава Пулинович «Земля Эльзы»

Ярослава Пулинович бьёт все возможные рекорды по востребованности в репертуарном театре. Её пьесы находят своего режиссёра, артистов, зрителя. Вот и «Земля Эльзы» за два года с момента появления получила множество трактовок. Но тот удивительный спектакль, который представил сегодня театр из Уссурийска на сцене Театра балета «Щелкунчик», вовсе не «трактовка», не размышления на тему – это такая маленькая, вполне реальная, человеческая жизнь. Актёры не играют, они проживают судьбы своих героев с первой минуты и до последней, и зал вместе с ними.

На сцене стол, на котором фотография мужчины и стопка водки с куском чёрного хлеба сверху. И вот первый импульс – выходит Эльза в этот легкий полумрак, опустошённая, тихая, смиренная. В её жизни и доме смерть, не стало мужа. Елена Перегуда, Эльза, – это откровение сегодняшнего вечера. Её героиня получилась какой-то необыкновенной: в ней внутренняя девичья, незапятнанная, чистая, тонкая красота. Вроде простая баба из деревни, но – нет, она вообще как будто «не отсюда». Семейная жизнь Эльзы началась с преступления, с изнасилования. Тот «герой» взял беременную девочку в жёны и полвека мучал. Она не знала ни о таинстве поцелуя, ни о том, каково это – просто разговаривать по душам. Вся жизнь прожила в труде, в упрёках... что досталось, то и цени. И она смирилась: «...я перестала верить. Поняла, что ничего не будет лучше. Что жизнь – она как паёк в детском доме. Дали тебе миску с похлебкой, и ешь её. Не хочешь – другой не будет».

А в семьдесят шесть её полюбили, и она полюбила. Наконец настало её «потом», о котором Эльза почти перестала мечтать. Поздно? Нет. Видимо, в очереди на распределение счастья в высших инстанциях она стояла в самом конце, но достояла.

Борис Бехарский, исполнитель роли Василия Игнатьевича, появился на сцене, как и в жизни героини, неожиданно и спокойно. Просто заговорил. Просто помог. Просто пригласил на свидание. Всё это так естественно, что нисколько не удивительно, почему не знавшая ласки и доброго слова Эльза так быстро ему доверилась. Артист во всём очень точен. На наших глазах складывается сложный и глубокий образ. Василий Игнатьевич любил жизнь и много отдавал людям. И хоть жизнь его раз от раза подставляла, он не научился делиться, улыбаться, мечтать. Он создал

для Эльзы уют почти на пустом месте: то кресло пододвинет, то конфеты подарит, то туфлю починит, то просто поговорит с ней. Это не подвиг, но что-то героическое в этом есть.

Артисты все как на ладони, не прячутся за текстом или реквизитом. Вместе со своими героями они рассказывают историю про себя честно, без прикрас. Каждый из них открывается, снимает все маски.

Происходит это и с дочерью Эльзы Ольгой (Анна Коновалова), главным противником поспешной свадьбы «стариков». Актриса весь спектакль на нерве. Если мать нежная и кроткая, то дочь грубая, жёсткая. Но она любит и живёт, как умеет, она боец за свой благополучный мир. В событиях её жизни узнаются судьбы многих женщин. Мужа нет, но есть взрослая дочь, внучка, дом, работа и телевизор. Она всю жизнь бежит, стремительно движется вперёд, сама точно не зная, что её там ждёт. И только неожиданная любовь матери оказывается событием, которое её замедляет. Она, наконец, останавливается в сцене разговора с матерью. И, наверное, в первый раз признаётся сама себе, что до боли одинока и несчастна.

Вообще, героев в пьесе и спектакле немного, но все вместе они создают очень убедительный и наполненный образ деревни.

За колорит здесь отвечают две пенсионерки – Зинаида Михайловна (Ульяна Трофимчук) и Таисия Петровна (Любовь Николаева), «глаза и уши» деревенской общности. Именно про себя они поют в спектакле: от людей на деревне не спрятаться, ни сойтись, разойтись, ни сосвататься в стороне от придирчивых глаз. Две срисованные с деревенских баек женщины, чьи судьбы в чём-то схожи с историей Эльзы Александровны. Но они земные, простые бабы, по-своему несчастные и одинокие.

Песням «а капелла» и под аккордеон здесь противопоставлены танцевальные ритмы сельской дискотеки, где «зажигают» продавщица Марина (Анна Александрова) и двое гопников-грузчиков в чёрных спортивных костюмах. Парни прохода не дают первой деваче на деревне, развлекают всеми доступными способами, в углу зажимают...

Эта второстепенная сюжетная линия развивает мотив «другой жизни», которая может начаться не потом, а прямо сейчас, стоит только решиться. И Марина, кажется, решилась. Но ухажёры не дают ей вырваться из этого глухого дна – снова вовлекают в отчаянный разухабистый танец. Возникает важный образ безысходности. Сейчас не получилось, слабину дала, а больше шанса ей и не представится.

Режиссёр Денис Малютин выстроил очень живую, чистую, настоящую историю. Без возвышенных интонаций, без пафоса, очень просто, он показал, как нас губят никакие не вероломные проказы судьбы, на которую мы клеветаем изо дня в день, а мы сами и те люди, которые рядом. Близкие, которые не могут до конца признаться, что сами что-то упустили важное, что струсил где-то, ошиблись, что много лет живут чьей-то чужой жизнью.

Мы боимся ступить на землю и зашагать куда-то в неизвестность. Топчемся на пяточке, как герои спектакля на деревянном настиле. Их мир оказывается замкнут внутри этого пространства изб и дощатых тротуаров. Но Эльза открывает для себя свою «землю» – переворачиваются закрывающие сцену щиты, открывая траву и цветы, по которым главные герои уходят вместе в какую-то самую дальнюю, самую последнюю даль.

Лидия Корзун

ИГОРЬ СЕЛЕЗНЁВ

Директор театра драмы Уссурийского городского округа

Уссурийск — самая восточная точка на карте нашего фестиваля... Это как Австралия! Мы ничего о вас не знаем, познакомьте нас с новейшей историей своего театра?

В этом году, в октябре, мы откроем 80-й сезон. Театр был основан в 1937 году. В последние десятилетия он пережил не лучшие времена, был на грани закрытия. Я руковожу театром с 2009 года: за это время удалось вернуть артистов, которые ушли во время забастовок при предыдущем руководителе, мы также пригласили молодых выпускников театральных вузов. Сейчас в труппе 30 артистов, в репертуаре 32 спектакля. С 2011 года мы стали постепенно заявлять о себе на фестивалях. У нас за плечами крупный международный фестиваль «Золотой витязь», где мы были единственными представителями Дальнего Востока и взяли престижную награду.

На Дальнем Востоке редко звучат имена современных авторов в репертуаре...

Это правда. Но я считаю, что в любом театре должны быть и классика, и современная драматургия, которую мы стараемся продвигать. Сегодня нужно знакомить зрителей с новыми авторами – это наше будущее. У нас в репертуаре сначала появилась пьеса ещё одного вашего земляка – Василия Сигарева «Божьи коровки

возвращаются на землю». Этот спектакль был участником «Сахалинской рампы» – нашим первым заявлением о себе на фестивале.

И «Земля Эльзы» сегодня собирает зал. Многим близка эта тема... В работе с современной пьесой многое зависит от режиссёра – как он сделает. «Божьи коровки» были очень хорошо приняты. Раньше у нас было много классики, а сегодня репертуар стал разноплановым. Нам в чём-то повезло, что в Уссурийске всего два театра и один из них военный, у нас разные задачи.

На что пойдёт уссурийский зритель? На лёгкую комедию или на «Фауста»?

Уссурийский зритель пойдёт на все спектакли. За 8 лет моего руководства было поставлено более 50 спектаклей. Это очень много. Параллельно мы делали по 3 спектакля за 2 месяца. Так мы приучили зрителя наблюдать за развитием театра, за артистами. Им интересно всё, что происходит на нашей сцене.

Какую пьесы вы бы заказали современному автору?

Мы проводим мониторинг, в анкетах зрителей всегда много запросов на освещение темы отцов и детей. Моё поколение выросло в другое время, когда духовные ценности были на первом месте, родителей больше ценили и уважали. Сегодня, к сожалению, не так дети чтут и уважают своих родителей – считают, что они им обязаны. Хочется выбить это из головы нашей молодежи. Для меня духовно-нравственное воспитание важно.

Видите в этом миссию театра?

Да, конечно. После сигаревских «Божьих коровок» люди выходили из зала и тут же начинали звонить своим детям, родителям. Мне очень приятно было. Миссия театра – воспитывать. И опять же не уходить до конца в назидательство. Репертуар должен быть разный. Есть те, кто ходит постоянно, а есть те, кто один раз пришёл, испытал бешеные эмоции, но не пойдет второй раз. Не каждый решится пропустить сквозь себя историю, происходящую на сцене.

Беседовал Ринат Ташимов

ЛЕКАРСТВО ОТ ЖЕНЩИН

Свердловский академический театр музыкальной комедии
Яна Скоморохова «#Страсть и стразы»

Думаю, не ошибусь, если скажу, что ещё ни разу на фестивале «Коляда-Plays» текст современного драматурга не использовался как основа конференса между музыкальными номерами. Но режиссёру Сергею Юнгансу, не без помощи драматурга Яны Скомороховой, это удалось. Юнганс тут не только режиссёр, но и автор идеи постановки. Так, он поясняет: «Стразы – это всё наносное, пыль в глаза... Это вечное селфи – бросить пыль в глаза, засветиться». Название спектакля задает тему лжи и истины, наносного и правдивого.

На самом деле «#Страсть и стразы» – это не один, а сразу два перемежающихся спектакля. Один музыкальный, спетый и станцованный вполне профессионально (недаром дело происходит в музкомедии). Это не спектакль даже, а концерт: набор песен в сопровождении джаз-оркестра Платона Газелериди. Песни эти разного авторства, от Ваенги до Фадеева, и в основном посвящены тяжёлой женской судьбе.

И второй спектакль – драматический. Как раз тут начинается территория уральской драматургии – и здесь же, по большому счету, и заканчивается. Написанные Яной Скомороховой «новеллы» не слишком хорошо монтируются в единое пространство смысла. Но всё же попробуем его восстановить и понять, где тут страсть, а где стразы.

Тёмное и пустое сценическое пространство заполнено подсвеченной дымкой (сценография Ивана Мальгина). Только во второй части спектакля появятся новые элементы сценографии: мачты со свернутыми парусами и черное полотно, в которое будут красиво заворачиваться героини во время выполнения музыкальных номеров.

На этом тёмном фоне появляется мужчина в чёрном (Евгений Елпашев), с демонически поднятыми волосами. Он будет исполнять роль лирического героя, глубоко чувствующего

мужчины. Который очень страдает, что вокруг него выются женщины – бессмысленные и беспощадные.

Женщин этих появляется пять, каждая в своём цвете и в своей манере: одна «заучка», другая грубая, третья манерная... У них берут интервью, и каждая утомительно-карикатурна в своей самопрезентации; характеры только намечены, реплики написаны единым ненатуральным языком. Встречающиеся в тексте лирические моменты играют в сатирическом ключе, самыми жирными мазками, с необоснованной аффектацией. Даже Вера (Ирина Гриневиц), которая у драматурга противостоит манерным девчонкам и несёт в себе некоторую искренность, в спектакле такая же неуравновешенная, ещё и одета странно: атласное платье и черные лосины.

Затем оказывается, что все эти разновозрастные девушки – ученицы одиннадцатого класса, они зачем-то несут куда-то стопки книг, видимо, украденные из библиотеки, и у одной по дороге завязывается роман с её же физруком-хипстером (Илья Жирнов)...

В это время активно разворачивается первый, музыкальный спектакль: карикатурное действие перебивается вполне серьёзными, пафосными песнями, соло и дуэтом. Может быть, песни выражают истинную душу женских страстей? То, что скрыто под «стразами»? Вышеописанная первая «новелла» называется «Мечта», однако ни о какой мечте речь не идет. Напрашивается вывод, что женская самопрезентация – это смешно; женщины, не говорите о себе, это в любом случае глупо и лживо, как бы вы ни старались.

Такой же вывод, в общем, приходит и после второй новеллы, «Поиск», где бедного героя пытаются захватить разные «хищницы» (новые героини в тех же обличьях). Женщины, помогая герою, играют новые и новые карикатурные роли: искусствовед, парашютистка, клубная девчонка... – невзначай прерываясь на пение и танцы. Зритель теряет ощущение, нить и предмет разговора. В конце второй новеллы появляется вдруг «нормальная» женщина, не стерва и не клоун, но и та существует только во сне героя.

Начиная с третьей новеллы, наконец, появляются какие-то связные истории: молодожёнов, мужей и жён. Однако женщины вновь проявляют себя не лучшим образом, брак ничего не меняет, и мужчина продолжает страдать. Правда, порой то у мужа, то у жены, уставших друг от друга, внезапно вырывается: «Я снова хочу полюбить как тогда». Кажется, это самая искренняя фраза спектакля, в которой открывается драматический потенциал темы. Однако, дальше не идёт никакого развития: раз за разом – грубые краски, карикатурность, фальшь. Лишь в самой последней сцене музыкальный и драматический спектакли как-то сходятся воедино, когда пять

преследовавших героя женщин выходят в ярких, роскошных опереточных костюмах, на которых действительно нашиты стразы.

В одном из интервью режиссёр поясняет: «Говорить о любви со слезами и соплями сегодня неинтересно, мы живем в жестоком мире. Только через юмор, смех, клоунаду можно отразить настоящую суть взаимоотношений». Однако на сцене-то мы видим не юмор и клоунаду, а штампы, грубую карикатуру и обличение. В целом оказывается, что всё зло современного мира, все его айфоны и соцсети – от женщин.

На сайте театра сказано, что этот спектакль – «reality-шоу на сцене», «публичный дневник» поколения Instagram & Twitter; «сокровенный разговор online». Значит, таким видится режиссёру

портрет поколения: стервозные и карикатурные женщины и страдающие от них, глубоко чувствующие мужчины. Мужчины – страсть, а женщины – стразы.

Самым сильным впечатлением от спектакля стало глобальное несоответствие музыкальных номеров, – красивых, хорошо спетых, массовых, – и драматической составляющей, ироничной и обличающей.

Хотя я, кажется, понимаю, зачем нужны эти песни и танцы. После очередной демонстрации женской прилипчивости, пошлости, штампованности зрителю просто необходимо отдохнуть, послушать хорошую песню и живой джаз. Музыка – лучшее лекарство от женщин.

Вера Сердечная

СЛОМАННЫЙ МИР

Центр современной драматургии, г. Екатеринбург
Алексей Житковский «Мизантроп»

Чудовищное действо свершилось в Гранатовом зале «Коляда-Театра» – самосуд. Справедливый, или нет – решать не мне... Обиженный на жизнь и обиженный жизнью Пётр Иванович Вяземский (Сергей Колесов) выносил приговор всему человечеству в лице парня-парнишечки девятнадцати лет Павла Разумова (Константин Итунин).

Актёрский состав полностью соответствуют сложившемуся лично у меня в голове образу этих героев: наглый паренек, длинный и худощавый – и безумный ученый, лысоватый и нескладный. Каждый жест героев натурализован, что вызывает отвращение, презренье, чувство страха. Жгучий союз Вахова-Житковского породил настоящую «чёрную» комедию, в которой нет шуток ради шуток. Это, скорее, смех сквозь слёзы, смех вперемешку с самой жуткой жестокостью.

Воздействие происходит со всех сторон. Интересна, например, игра со светом: подсвечиваются глаза, элементы одежды, силуэты. От этого складывается ощущение, что ты будто спрятался под стул в подвале и наблюдаешь за происходящим. Всё настолько натурально, что возникает желание выскочить из своего укрытия и немедленно вмешаться! И минимализм сценографии оправдывает ожидания. С её помощью режиссёру удастся показать даже время. Пётр Иванович постоянно переодевается и появляется перед зрителем в очередном новом костюме. Иногда звучат вставки стихотворений его собственного сочинения. С одной стороны, это домашнее задание для Павла, с другой – «кукушка на суку кричит ку-ку ку-ку», – это напоминает зрителю о времени.

Спектакль сопровождает пронзительный ветер. Откуда ему взяться в подвале? Постоянный

ветер. Что это? Третье действующее лицо, призванное «выдуть» из Павла «всю дурь»? На мой взгляд, ветер есть символ открытых вопросов, на которые нельзя найти ответ, символ потери той самой справедливости, которую ищут герои – каждый сам для себя. Здесь нет места ей – здесь пространство хаоса. Заявленная в первой сцене позиция: Петр Иванович – злодей, которого следует наказать, а Павел – жертва, которую обязательно спасут, – не подтверждается. На протяжении всего спектакля мы так и не можем принять ту или иную сторону. Чувство сострадания быстро сменяется презрением, при этом зритель испытывает их с одинаковой силой и к обоим героям. «С ног на голову встает всё», в том числе методы «лечения» жертвы: математикой, музыкой, от классики до современности, изобразительным искусством... «Ученье – свет...» Всех нас учили: что надо и не надо – все знать обязаны. Но тут песня «Я люблю тебя, жизнь» подливает масла в огонь. Она проходит сквозь спектакль красной нитью и пробуждает в тебе своего «петраивановича», заставляет тебя пофилософствовать: как можно любить жизнь, если торжествует несправедливость? Или это воззвание – любить жизнь такой, какая она есть? Но тогда непонятно – как? Недаром ведь режиссёр Вахов так и не освобождает своего героя из душащего его кокона, как это делает драматург Житковский в пьесе почти сразу. Павел остается опасен. Или нет?

Сцена с разоблачением исчезла из режиссерского решения. Что будет с юношей потом? Не превратится ли он в такого же «ангела-мстителя», каким возомнил себя его мучитель? Зритель должен подумать сам. Развязки не происходит: Пётр Иванович просто уходит, Павла просто находит полиция. Остаётся только сказать: «Сломался я, на всю жизнь сломался»... Вот так.

Анастасия Чаусова

РЕЖИССЁР О СПЕКТАКЛЕ

Саша, ты решил поставить этот спектакль потому что...

В ЦСД прошла читка, а потом я решил поставить спектакль – всё просто. Но оказалось, что простота кажущаяся, и пьеса сложнее, чем думалось вначале. Выход нашёлся в упрощении, обращении к содержанию больше, нежели к форме, которую я сначала напридумал. Я отказался от разных «прикрывашечек» – и сконцентрировал внимание на двух актёрах. Тогда и зазвучала тема спектакля. Это разговор о том, что значит – быть человеком. Терпеть или бить?

Ты, по-человечески, на чьей стороне? Неужели, Петра Ивановича?

Я в обоих персонажах вижу и себя тоже. И не хочу никого ни осуждать, ни оправдывать.

Конечно, я не думаю, что таким методом можно кого-то воспитать... Но на улицах сейчас слишком много таких героев, как Паша, согласишься? Что их теперь, всех засовывать в кандалы и заставлять слушать Малера? Это не изменит их мировоззрение, не привьёт им ни сострадания, ни любви к ближнему. Наоборот, насилие способно породить только насилие. Я считаю, что Пётр Иванович, конечно, человек «не в себе». Но ведь, с другой стороны, цель-то у него, конечно, благая – он же не унижить парня хочет, он так изменяет мир. Хотя, это и утопия. Изменить мир невозможно.

Но тогда – зачем ты поставил этот спектакль?

Ну, как? Изменить мир я не могу, но могу поставить спектакль. Я пытаюсь задать вопрос, вынести тему на обсуждение, завести разговор о важном.

Беседовала Вера Цвиткис

ФИЛЬМ, ФИЛЬМ, ФИЛЬМ...

Вчера, наконец-то, в Гранатовом зале «Коляда-Театра» состоялся долгожданный показ фильмов лаборатории «КиноLook». На суд публике были представлены пять картин, я остановлюсь на трёх из них.

Открывал программу фильм «Я актриса» режиссёра Татьяны Шафран. История о девушке, выучившейся на врача по велению своей мамы, хотя истинным желанием главной героини была профессия актрисы и сцена. Довольно часто бывает, что в таких ситуациях всё решает случай. И наша героиня здесь не исключение. Прогуливаясь по улице, она неожиданно сталкивается с дерущимися проститутками, а подоспевшие на место происшествия полицейские забирают их всех вместе в участок. В камере героиня пытается доказать своим соседям, что она актриса, а вовсе не проститутка. Но стихи, прочитанные ею с большим чувством, почему-то не вызывают оваций. В ответ её сокамерница демонстрирует более высокий уровень подготовки в декламации стихов. Но тут внезапно одной из проституток становится плохо, что и дает возможность главной героине проявить себя и понять, наконец, свое предназначение. Из камеры всех вызволяет мать «горе-проститутки», переодевшись «мамкой». Конфликт между дочерью и матерью исчерпан.

Вторым фильмом была работа Андрея Попова «Отец». Это история сына, который через долгие годы разлуки с отцом, решил его разыскать. В наличии у героя только адрес дома и множество квартир, среди которых нужно найти одну – ту самую. На пути ему попадаются разные колоритные персонажи, одного из которых сыграл, кстати, сам Николай Коляда. Но, дойдя до цели, герой явно не испытал ни радости, ни катарсиса. Жизнь не обрела нового смысла. Всё осталось по-прежнему.

Продолжила программу картина «Я хочу тебя пофоткать» режиссёра Валентины Галиной. Особенностью работы является то, что в кадре нет героев «полностью» – только их руки, например, или иные части тела. Этот фильм – монолог девушки о жизни, женственности, поиске себя. Звучат мысли о том, как ей противно всё «женское» – от бритвенных станков до цветов и вечно чистых окон... Такой поиск себя, который приводит её к фотографированию мужчин. По мнению героини, это делает её интересной, что является необходимой частью существования. Кто-то из зрителей, сказал, что весь фильм ожидал, когда же нам, наконец, покажут актёров полностью, чего не произошло... Действительно, когда ты не видишь главного героя, ему становится сложно сопереживать. Поэтому, общая структура монолога выглядит... неоднородной.

Алёна Апрашкина

Выпуск подготовили:

Елена Гецевич,
Вера Цвиткис

Прямые трансляции спектаклей фестиваля осуществляет компания «ММVS Мультимедиа Видеосистемы» по адресу <http://videoticket.ru/events/kolyadaplays2017/>

